

мамы из своего семейного паба, стояла выцветшая коробка из-под печенья, полная открыток и репродукций, вырезанных из художественных журналов. На подоконнике лежал маленький синий череп из лазурита. На комодe в ногах кровати стояла темно-синяя лампа, похожая на толстую даму в широкополой шляпе. Свет лампы отбрасывал на стену мамину тень — ее удлинeнный силуэт тянулся обнять близкое и недостижимое спящее тело.

Выходить из дома мама решалась редко, разве что на мессу, в супермаркет или в отдел соцобеспечения. Билли следил, чтобы она еженедельно получала пособие, он называл его маминым грантом на занятие искусством. Он вел ее банковский счет. Мы на горьком опыте убедились, что, если дать маме доступ к деньгам, будет полный финиш. Раз в неделю Билли отвозил ее в магазин и сидел в машине, пока она ходила за продуктами. Иногда она возвращалась с пустыми руками, не считая пончика и смузи, и дяде приходилось отправлять ее обратно.

Нормальной она старалась быть только во время мессы. Дедушка был очень верующим. Пока он был жив, мы каждый вечер вставали на колени в гостиной и читали розарий. А еще он был ужасно гордый и любил, чтобы в церкви его семья выглядела прилично, поэтому вера у мамы стала ассоциироваться с элегантностью. Она с вечера выбирала наряд для утренней мессы, а утром принимала душ и тратила на сборы не меньше полутора часов.

Перед душем мама босиком выходила в сад и осторожно, неторопливо шагала по траве, будто по сцене, потом закрывала глаза, опускала руки вдоль тела и долго, медленно дышала полной грудью, вдыхая свежие запахи реальности и выдыхая собственную тайну.

Эшлинг

Раньше я спала в Табернакле вместе с мамой. После девятичасовых новостей дедушка отправлял нас в постель. Мы переодевались в пижамы и чистили зубы. Я не доставала до раковины и сплевывала пасту в унитаз.

Накрыв мамину голову одеялами, мы устраивали в кровати палатку. Мама читала мне «Алису в Стране чудес» по книжке-раскладушке. Я обожала Алису. Белый фартук, повязанный поверх голубого платья, подчеркивал ее тонкую талию. Мой пап, которым я показывала на нарисованную Алису, был толще ее. Она походила на диснеевскую принцессу.

Когда Алиса замечала Белого кролика, мама изображала пальцами длинные уши, и на стену падала кроличья тень. Она трепетала в свете лампы, будто в волшебном луче старого кинопроектора. Меньше всего мне нравилась последняя страница, на которой приключение кончается и Алиса просыпается на берегу реки рядом с сестрой. Я ободрала страницу, так что под ней показался картон.

Читая «Алису», мама непременно отклонялась от курса. Обычно когда доходила до Алисиных тревог: «Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить; сегодня утром, когда я встала, я это была или не

я. Кажется, уже не совсем я! Но если это так, то кто же я в таком случае?»¹

— Алиса перестала быть собой, потому что она исчезла, — объясняла мама. — Упав в кроличью нору и оказавшись в Стране чудес, она выпала из себя. Такое случается со всеми нами. Засыпая, мы выпадаем из себя.

Я никак не могла понять, хорошо это или плохо. Когда мама описывала свои сны, я чувствовала себя так, будто пытаюсь уследить за пальцем Билли, когда он показывает мне звезды.

— Это пояс Ориона, — говорил он, и я благоговейно поднимала взгляд к небу, ничего не видя, но размышляя над выражением «пояс Ориона». Мне никогда не удавалось различить ни Орион, ни его пояс, но хватало самой их загадки. Так было даже лучше.

Загадки сновидений мне тоже вполне хватало. Я пыталась следовать маминой логике, но она отпустила мою ладонь на полпути.

Перед сном мама рассказывала мне сказку о пылинке по имени Эшлинг, которая не верила в снег. Каждую ночь, когда Эшлинг засыпала, холодная вода превращала ее в снежинку. Когда наступало утро и выходило солнце, Эшлинг оттаивала и снова становилась пылинкой, совершенно забыв собственные перевоплощения. Только на сердце ощущался какой-то холодок, но воспоминание было застывшее и замороженное. Она отмахивалась от него, считая, что это ей просто приснилось.

Закончив сказку, мама бросалась в кладовку, где стоял морозильник. Я в одной пижаме бежала за ней

¹ Пер. Н. М. Демуровой.

вниз, шлепая по линолеуму босыми ногами. Дверца морозилки поднималась, из камеры, туманясь, поднимался пар. Мы ногтями соскребали со стенок снег. Рассмотреть снежинки, сказала мама, невозможно без микроскопа, пусть даже они у нас под самым носом.

— Так же, как Билли нужен телескоп, чтобы смотреть на звезды? — переспросила я.

— Да, — ответила она. — Только наоборот. Телескоп позволяет разглядеть далекое, приближая его к нам. А микроскоп — рассмотреть то, что мы плохо видим, потому что находимся слишком близко. Он создает дистанцию. Перспективу.

— А если бы у Эшлинг был микроскоп, она бы поверила в снег? — спросила я.

Мама задумалась, а потом рассказала мне другую историю, о первом человеке, который сфотографировал снежинки.

— Его прозвали Снежинкой. Он ловил снежинки на черный бархат и фотографировал их, прикрепив микроскоп к объективу камеры. Это позволяло запечатлеть структуру снежных кристаллов, прежде чем они растают. Но фотография и реальность не одно и то же, — сказала мама и очень серьезно добавила: — Поймать снежинку невозможно. И я еще не встречала никого, кто сумел бы поймать сон.

Девушка с глянцевой обложки

Я могла провести в городе целый день, не перемолвившись ни с кем ни словом. Часто скрывалась то в поезде, то в гуманитарном корпусе, то на дублинских улицах. На лекциях сидела одна. Даже кофе покупала в автомате, лишь бы избежать общения с людьми. После безуспешных попыток завести друзей в первые пару дней я приняла решение не разговаривать ни с одной живой душой, и стало легче.

Мне постоянно хотелось писать, и я по полдня искала туалет, чтобы посидеть и передохнуть. Там я могла подзарядиться, выплакаться и собраться ровно настолько, чтобы хоть выглядеть цельной. От рюкзака болели плечи. Сбрызгивая дезодорантом липкие потные подмышки и ложбинку между грудей, я читала граффити на стенах кабинки. В большинстве своем — анонимные крики о помощи. И ощущала груз ответственности. Каракули на держателе для туалетной бумаги угрожали самоубийством. Имелись и другие, менее отчаянные раздумья: «Мне не нравится секс — это норм?» Ниже кто-то откликнулся: «Сожми шейку матки и расслабься, подруга!» Интересно, как такое возможно.

На выходе из туалета я врезалась во входившую девушку.

— Извини! — весело бросила она и неуклюже протиснулась мимо меня.

Сила столкновения меня напугала. Заставила ощутить собственную непрочность, будто меня можно за просто вышибить из своего тела в ее.

— Дебби, подожди!

Это оказалась Ксанта. Без желтого дождевика я ее не узнала.

— Привет!

— Попьем кофе?

— Прямо сейчас?

— Если, конечно, тебе удобно.

— Эм, давай...

— Здорово, я только схожу пописать.

Ксанта появилась из туалета красивая, как в рекламе духов. Широкие брюки, синий вязаный джемпер и плоская кепка, которая, хоть и выглядела так, словно ее позаимствовали из трейлера Билли, но каким-то образом объединяла весь образ.

— Ну что, каково каждый день мотаться в город? — спросила она, когда мы влились в толпу, спускающуюся по лестнице.

— Супер, — говорю я.

— Сколько тебе добираться до Дублина?

— Поездом — минут сорок. Но от нас до станции еще двадцать минут на машине, так что всего получается примерно час.

— Выходит, ты из настоящей глубинки?

— Ага. Я живу на ферме.

— Потрясно! А какие у вас животные?

— Только коровы. Это молочная ферма. Она принадлежит моему дяде.

— А ты сама на ней помогаешь?

— Сегодня утром доила.

- Да ладно! Это долго?
- Часа полтора.
- И ты сама их доишь?
- Да, но за мной приглядывал Джеймс, пока чистил коровники.
- Джеймс — это твой дядя?
- Нет, Джеймс просто работает на ферме. Дядя наверняка еще из постели не вылезал. Вчера вечером он бухал.
- Ха-ха, бухал во вторник?
- У него это каждый вечер.
- Вслед за Ксантой я вышла через боковую дверь, которой раньше не замечала. Мимо пролетела скорая. Я уже собралась перейти улицу, но Ксанта так и стояла на тротуаре, глядя на меня.
- В чем дело?
- Ты только что перекрестилась?
- Я почувствовала, что краснею.
- Ну да. Такая у меня привычка.
- Какая милота!
- Захотелось послать ее куда подальше.
- Извини, получилось как будто свысока, — спохватилась она.
- Все в порядке.
- Я имела в виду, это хорошая привычка.
- Вообще-то я не то чтобы верующая.
- Я знаю. То есть не знаю. Все, молчу.

Мы пошли в кафе через дорогу. Внутри было столько студентов и туристов, что запотели окна. Кофемашина тарыхтела, как целая стройплощадка.

- Пойду займу нам столик! — крикнула Ксанта.
- Я не могла понять, где начинается очередь.

— Вы стоите? — спросила меня какая-то женщина.
— Нет, извините, — ответила я и отошла в сторону.
— Я заняла нам место вон там, — сообщила Ксанта мне на ухо.

— Отлично, спасибо. Ты знаешь, что ты будешь? Хочешь, заказывай первая.

Заказ еды — это пытка. Я умирала от голода. Хотелось взять обед, но это было слишком дорого. Ксанта заказала травяной чай, поэтому я тоже взяла чай и шоколадный торт. Извинившись перед девушкой за кассой за то, что у меня нет карты постоянного посетителя.

Я пододвинула кусок торта Ксанте.

— Хочешь пополам?

— Нет, спасибо.

— Серьезно, помоги мне его съесть.

— Не могу, у меня аллергия на орехи.

— Ясно...

— Ну да. Раньше я была из тех, кто не верит в аллергии. Думала, аллергии — для слабаков. Оказалось, я сама слабачка.

— А мята тебе нравится? — спросила я, показывая на ее чай.

— Вообще-то нет.

— Зачем ты тогда это заказала?

— Вот пытаюсь полюбить травяной чай, он типа полезный.

— Травяной чай напоминает мне духи из маргариток, я делала их в детстве. Давила цветы и разводила водой. Даже тогда мне хватало мозгов их не пить.

— Ну, теперь я не жалею, что потратила на это пятерку.

- Ты прикалываешься?
Ксанта показала на меловую доску над прилавком.
— Грабеж среди бела дня, — сказала я.

За час разговоров я успеваю выложить Ксанте всю свою биографию.

— Твоя мама встречается с двадцатичетырехлетним парнем?

— Ага.

— А ей сколько?

— Тридцать шесть. Она родила меня в восемнадцать.

— Ух ты. Так у тебя, наверное, и папа молодой?

— Она никогда никому не говорила, кто мой папа.

— Даже тебе?

Я покачала головой:

— Если честно, по-моему, она и сама не знает.

— Кажется, она потрясная. Когда будешь выходить замуж, тебя ждет «Мамма миа!» по-деревенски.

Ксанта злоупотребляла словом «потрясный». О себе предпочитала не говорить. Единственное, что мне о ней было известно, — это что у нее аллергия на орехи.

— Что у тебя с пальцами? — спросила она, словно почувствовав, что я вот-вот подловлю ее на игре в вопросы.

Я вытянула левую руку:

— Несчастный случай в детстве. Дверью прищемила.

Каждую весну мама собирала камыш в поле рядом с нашим и плела кресты святой Бригитты для всего

прихода. В конце января она приносила на мессу корзину, полную крестов, и священник благодарил ее у алтаря.

Когда мне было семь лет, я попыталась ей помочь. Поле, где рос камыш, называли болотом, — детское, промежуточное место, где мои сапоги хлюпали и было непонятно, суша вокруг или уже озеро. Я воображала, что под тиной, за кустами камышей, лежат бегемоты.

Мама срезала стебли ножницами, связывала в снопы и складывала в джутовый мешок. Я семенила за ней, пытаясь рвать камыши, но они упрямо цеплялись корнями. Обычно чем больше я старалась угодить маме, тем больше она выходила из себя, но в тот раз она терпела меня, потому что неподалеку дедушка переносил изгородь. Когда я спросила, можно ли ей помочь, она разрешила мне тащить за ней мешок с камышами.

Набрав тростника, мы вернулись в дом. Я изо всех сил старалась не шуметь, но ее раздражало даже мое молчание.

— Дебби, иди поиграй на свежем воздухе.

— Но я хочу помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Пожалуйста, мамочка, я буду очень стараться.

— Мне сейчас некогда тебя учить.

— Я уже умею, мы плели их в школе из синельной проволоки. — Я победно улыбнулась.

Мама взяла камыши со стола и пошла к себе в комнату, прижимая их к груди, будто младенца.

— Мамочка, пожалуйста, я хочу помочь. — Я заплакалась, и она бросилась бежать. Я кинулась за ней по коридору, вытянула руку, чтобы не дать ей закрыть дверь, но мама резко ее захлопнула. Черная боль пронзила мне ладонь.

В тот день я потеряла кончики среднего и безымянного пальцев на левой руке. Билли отвез меня в больницу. Когда мы вернулись домой, мама вела себя как ни в чем не бывало, но приготовила мне чашку чая. Позже, когда я заснула, она сунула мне под подушку письмо. В нем она как бы извинялась, но на самом деле объясняла, что все произошло по моей вине.

В воскресенье мама отнесла кресты святой Бригитты на мессу, и священник поблагодарил ее у алтаря. Выходя из церкви, люди забирали с собой по кресту и вешали их над дверями домов как оберег от порчи.